

ЯКОВ ЛАНДА

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ

РАССКАЗ

Яков Ланда родился в 1948 г. в Одессе. По образованию физик. Работал преподавателем, инженером на Украине, заведующим сектором ВНИИ в Ленинграде. С 1991 г. жил в Германии, работал инженером в машиностроительной фирме. Автор репортажей и эссе для "Радио свобода" (с 1992 г. по 1994 г.). Публиковался в "Русской мысли" (Париж), "Гранях" (Франкфурт), "22" (Иерусалим), "XXI век" (Гельзенкирхен) и др. изданиях. Скончался 18 апреля 2005 г. в Ганновере.

В последние годы мы не виделись – беседовали по телефону. Особенно много – в последние месяцы. Он, как принято говорить, все знал и не цеплялся за жизнь. И потому, что считал это недостойным, и потому, что был напоен жизнью – как мало кто. Зная, что смерть неизбежна, он, как и все, верил в собственное бессмертие. Но в его случае эта вера, отвергающая знание, вовсе не казалась наивной. Чуть только в ходе беседы выяснялось, что наши взгляды на какой-то предмет расходятся, он принимался спорить с таким азартом, что нельзя было поверить в возможность его ухода.

Что прибавить? Что он стоял на пороге большого литературного успеха. Ясным это стало больше года назад, после того как петербургская «Звезда» опубликовала его ослепительную повесть «Последний звонок». Автора поминают цитатой – приведу финал этой публикации: «И счастье было неизбежно, а жизни, да что там жизни – дню, мгновению этому, теплomu дождю и бурлящему потоку вдоль прекрасной извилистой улочки – не было конца».

Михаил Безродный

Где же он ее впервые увидел? Ну да, сразу же после приезда, но где? Не на вокзале же – конечно, в штабе дивизии, но не в самом здании, а во дворе. Она сидела за столиком под деревом, в курилке. Оазис такой на краю бетонного поля: три дерева, стол, две скамьи, урна. Главное – тень. Он подошел и сел рядом, чтобы перевести дух. Все-таки два с половиной километра над уровнем моря, непривычно.

Она курила, глубоко затягиваясь, откинувшись на спинку скамьи, нога на ногу, свободно и расслабленно. На столе рядом с сумочкой сигареты и зажигалка. И все это никак не вязалось с казённой праздничностью размалеванного чудовищной наглядной агитацией гигантского плаца, так что он на мгновение даже усомнился в подлинности увиденного.

Нет, не видение: подошли два прапорщика, оживленно обмениваясь репликами, в которых нецензурным было все, за исключением разве что междометий, и вдруг, разом проглотив языки, обошли курилку и удалились, пряча на ходу уже приготовленные пачки папирос. Кто она?

Один раз она на него посмотрела. С любопытством. Штатский мальчик, приехал, наверное, только. Ну-ну. Глаза серо-зеленые, глубокие-глубокие, никогда таких не видел. Никогда? Ну то давно было...

Докурила, поднялась и, не взглянув на него, ушла. Он не рискнул посмотреть ей вслед. Подошли и уселись прапорщики. Он спросил их, где отдел кадров. Выходя из оазиса, увидел ее уже входящей в здание, и еще раз окатило его серо-зеленым. Надо идти представляться, получать назначение. Интересно, куда попадешь. Только бы не в мотострелковый полк... ПВО там отдельно, но, говорят, тоска зеленая... Толстый седой подполковник оказался земляком и говорил с теми же знакомыми украинизмами, от которых он сам отвык уже, кажется... Куда же тебя, парень... Ну давай, в отдельный... Хлопец ты грамотный... О ней он тут же забыл.

Когда потом? Да, в кинотеатре. Когда командующий нагрязнул. Вот было время... У них в дивизии давно, видимо, не все было ладно. Потом ЧП. Совершенно секретно, но все знали. Капитан один поехал охотиться, в горы. С женой. Капитан такой, что ему можно. Из контрразведки. Вдруг вертолет сел. «Оттуда». И забрал их. Красиво... Вот почему с женой вместе пошел. Скандал страшный.

Ну и всякие другие дела: одному новобранцу челюсть сломали, а в другом полку еще похуже. А у соседей-мотострелков два автомата исчезли. Практически, все, что случается, там же и разбирается, но вот о ЧП положено докладывать наверх, а что есть ЧП – расписано подробно: гибель личного состава, пропажа оружия... В общем, накопились грехи, и гроза грянула. Утром на тот самый плац у штаба вставшей в немилость дивизии неожиданно приземлился вертолет командующего округом. Подоспела приехавшая ночным поездом многочисленная свита. И завертелось... Невероятно, но он сам, лейтенант-воробышек, казалось бы, этому дракону страшному совершенно незаметный и неинтересный, удостоился персонального внимания. Вышли втроем из части и пошли обедать. Вдруг голос сзади: «Товарищи офицеры...». Оглянулись и застыли в оцепенении: командующий. Седой, погоны – такие только в кино видели: генерал-полковник. В трех шагах от них, а чуть сзади целый взвод просто полковников. У них и командир части-то майор...

– Молодые люди, я за вами уже три минуты иду. Вы, лейтенант руку в карман опустили, я думал, что-то достать... А вы так и идете по городу – рука в кармане, как штатская курица... Что, студент? Командующий посмотрел на университетский ромб на его кителе. Не научили? Пять суток ареста. Не «есть», а «есть – пять суток ареста»... Свободны...

Самое интересное, что на «губе» он так тогда и не побывал. Явился, конечно. Но начальник гауптвахты, пожилой армянин, выслушав, сказал неожиданно: ладно, иди, лейтенант, трудись, тебя мне тут не хватало... Тут без тебя сейчас начнется... Проверяющие уже едут...

– А как же...

– Иди, иди, не бойся, он забыл уже...

И, пытаясь, отвернулся к каким-то спискам. Так и не отсидел. Командующего увидел уже на грандиозном общем разное, в гарнизонном Доме офицеров. Вообще-то по Уставу разбирать и наказывать старших офицеров при младших запрещалось. У них в части ритуал этот соблюдался неукоснительно. Сначала отпускали прапорщиков и втык получали лейтенанты. Потом и они выходили, и свое огребали офицеры постарше. Разумеется, все всё знали. Но – «не положено».

В округе – все три республики, гигантская вотчина – командующий обладал абсолютной властью. Абсолютная власть развращает абсолютно, так что ему законы были не писаны. И он собрал вместе всю дивизию, всех офицеров. Лейтенанты с любопытством, а порой и долей злорадства наблюдали за тем, как разом рушились судьбы, годами тщательно выстраиваемые карьеры. Это было, как в Древнем Риме, так почему-то казалось. Читая подготовленный свитой доклад о положении дел в дивизии, командующий после каждой фамилии какого-нибудь упомянутого в докладе начальника приговаривал меланхолически: «Рассмотреть вопрос о снятии с должности.... Ах, он в академии, на сессии... Отозвать...».

Их, призванных на два года, буря эта не касалась совершенно. После совещания остались в Доме офицеров. Шел французский кинофильм с Жаком Брелем.

Они сели рядом с ним в кинозале, когда в зале уже было темно. «Рот бледный и немного грубый. Зато, как ровный жемчуг, зубы. И молчаливая душа в ее зрачках жила стыдливо. Она не то чтобы красива была, но просто хороша...» Нет, это он прочел позже. Он смотрел на нее, чуть повернув голову, не отрываясь. Однажды и она скользнула равнодушным неузнающим взглядом по его лицу. Внезапно из рук ее на пол упала маленькая черная сумочка. Он наклонился и у своего лица увидел широкую физиономию ее спутника, узнав ее и в темноте. Замкомандира дивизии полковник Сырцов. Ничего себе...

В гостинице – так громко называлось общежитие для несемейных офицеров, где вчетвером в комнате жили лейтенанты-«двухгодичники» и юные «кадровики», – навел справки. Ирина Сергеевна работала там же, в Доме офицеров. Худрук-методист. В субботу он пришел к ней в кабинет и предложил помочь организовать драматический коллектив. И поставить для начала можно было бы, например, «Четвертый» Симонова. Ей было очень интересно. Разговор начался в десять утра и закончился с окончанием ее рабочего дня. В воскресенье продолжили, но успели только закончить с МХАТ и перейти к Вахтангову. В следующий раз остановились на Таирове и продолжили через несколько дней. Мейерхольд занял всю следующую неделю. Впереди были БДТ, Современник и Таганка. Вахтанговский театр он охарактеризовал как придворный и проследил за ее легкой улыбкой в ответ. Обедали в кафе напротив. За соседними столами сидели сослуживцы, но жена Цезаря была вне подозрений. Тем более, что о его театральных планах знали все, а восторженный монолог был, наверное, слышен повсюду в зале. Она сразу загорелась его идеей, предложив себя для роли «Той, которую он любил», что заставило его вздрогнуть. Оставалось подобрать участников драмколлектива. Вывесили объявление. Не пришел ни один мужчина, зато немедленно явилось два десятка женщин. Одна из них была рыженькой засушенной библиотечаршей, остальные – знойные дамы, страстно вздыхавшие подобно знаменитой тогда актрисе: «Ой, я так люблю театр!...». С таким составом поставить можно было бы разве что сценический вариант «двенадцати женщин и одного мужчины». Но они были уже неразлучны.

Она была старше его на девять лет. Их отношения с самого начала облегчались полным отсутствием даже намека на возможность какого-то иного их толкования. С драмколлективом не сложилось, но «начинания, вознесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряли имя действия». Вернее, место. О театре в Паневежисе он рассказывал уже за городом. В городском парке здесь гулять было невозможно: для местных это было немыслимо, а за парой «нездешней» немедленно увязывалась стайка мальчишек с горящими любопытством глазами. Они как раз свернули с тенистой аллеи на окруженную густым кустарником лужайку, и тут она достала из

объемистой сумки на плече принесенное из дома одеяло. Потом он приходил в себя две недели, обходя Дом офицеров десятой дорогой.

И все-таки пришел снова. Лето кончалось, а о гостинице в этом городе не могло быть и речи. Других вариантов просто не существовало. Роман со все удлинявшимися перерывами продолжился у нее в кабинете.

Однажды вчерашние студенты в лейтенантских мундирах исполнили давнюю мечту и ночью написали огромными буквами на выходящем в город ограждении полка: «Забор №1. Ответственный – майор Нестеренко». Протест против мании командира части заставлял их снабжать все и вся бирками с указанием лица, за данный объект ответственного, так что шутники предлагали уже и каждую мышь в складе снабдить биркой с надписью «мышь номер такой-то. Ответственный – прапорщик Погосян». Все эти развлечения были слабым противоядием от повседневного и совершенно швейковского идиотизма их будней и породили особый фольклор, например, дополнения к Уставу внутренней службы, кроме прочего регламентировавшие уставные взгляд в глаза начальнику, скрип сапог, смех в ответ на шутку командира и даже головную боль наутро после вчерашней пьянки.

Например, эталонные обертоны уставного скрипа сапог хранились в Минобороны, а уставной головной болью считались ощущения, испытываемые офицером, специально назначаемым командиром части и наутро делящимся ощущениями с сослуживцами.

Эти развлечения, зафиксированные, кстати, на бумаге именно его рукой, неизвестно каким образом попали в руки начальства, а надпись на заборе окончательно переполнила чашу терпения. Однажды утром его вызвали в штаб полка.

Вытянувшись в струнку, он доложил о себе не командиру полка, майору Нестеренко, а сидевшему рядом грозному полковнику Сырцову, в пристальном взгляде которого проглядывали искорки любопытства.

– Ты это писал, лейтенант? – показывая на рукопись, спросил полковник басом, от которого гулко заныли стекла в окнах помещения.

– Переписывал, товарищ полковник.

– Хитер, лейтенант. Ну а на заборе тоже ты писал?

– Никак нет.

– А почерк-то твой... Так кто писал?

– Не могу знать, товарищ полковник.

– А ты подумай, вспомни. На учениях поговорим... Иди, иди...

К Ирине Сергеевне он решил больше не приходиться, с тайным облегчением определив уважительной причиной этому опасный прецедент личной встречи с грозным ее мужем. Но история сия имела продолжение.

Весной начались большие учения, проводившиеся в крайне неприятном горном районе, где гуляли разносившие тучи песка холодные весенние ветры, флора была представлена лишь редкой травой да колючками, а фауна скорпионами, фалангами и змеями, реже – черепахами. И трудно было поверить, что отсюда – если спуститься в долину – рукой подать до прекраснейшего города на свете, столицы одной из закавказских республик, где самая красивая улица была названа именем одного из отставленных от истории основоположников, где в метро замечательно гортанный голос, сказочно грассируя, отечески предупреждал об опасности, исходящей от закрывающихся дверей, где по-русски говорили с доставлявшим наслаждение акцентом, давно уже, по выражению одного остроумца, ставшим неотъемлемой частью русской культуры.

Учения блистательно провалились. Две дивизии, запутавшись на рокадных подходах к ристалищу, смешали свои боевые порядки, и это скопище представляло собой лакомую цель для ядерного удара противника – хорошо, что только воображаемого, а прикрывавшие мотострелков зенитчики не успели за своими выданными на растерзание вражеской авиации подзащитными. Разгневанный командующий округом решил резко поднять боеготовность проштрафившихся войск, оставив их в этой малосимпатичной и лишенной элементарных условий существования местности – вода здесь водилась лишь во флягах – еще на месяц. Да заодно именно тут и провести очередную весеннюю проверку. Обычно к таким проверкам готовились на «зимних квартирах» основательно и задолго. То, что поддавалось обновлению, обновлялось, недостающее умудрялись одолжить у только что проверенных товарищей по оружию. Но здесь, оторванные от всего, войска действительно могли быть экзаменованы жестко, беспощадно и объективно. На всех выездах из района поставили блок-посты, так что сюда смогли бы пролететь лишь почтовые голуби, увы, не способные принести в своих клювах ни бочки с горючим, ни запчасти к технике. Отцы-командиры яростно чесали в затылках. Вечером майор Нестеренко вызвал его к себе.

Нестеренко был воякой до мозга костей. Никто никогда не видел его в отчасти расслабляющих офицерских брюках навыпуск, только в галифе и сапогах, даже в выходные дни. Втихомолку утверждалось, что на сон грядущий он поверх этих сапог для вящего служебного кайфа надевает еще одну пару. Высших женских курсов майор явно не кончал, и речь его витиеватой была только в смысле многэтажности брани. Справедливости ради надо признать, что без этих обязательных приправ ни один приказ все равно толком не был бы исполнен, просто майор Нестеренко соединял здесь виртуозность с гомеричностью. Его сумрачный, хотя и отнюдь не германский, гений самостоятельно додумался до образования характерных для немецкого языка сложных словосочетаний, придававших его построениям поистине барочное величие. Кроме того, эти выражения соединяли образность с замечательной доходчивостью. Например, когда посланный им за прибором зенитного контроля лейтенант простодушно переспросил: «С кабелем?» – майор, не отрываясь от бинокля, терпеливо уточнил, что ведь и известный орган применим лишь в комплекте с двумя к нему придатками, и спрашивающий был более чем удовлетворен.

Зато Нестеренко никогда не говорил обиняками и приступал прямо к делу, даже если оно касалось вопросов весьма щекотливых. В данном случае лейтенанту поручалось нарушить все строжайшие предписания и пригнать с ремонтного завода в близлежащей столице гусеничный тягач, так и не возвращенный из ремонта до учений, а сейчас позарез необходимый.

Выкручиваться в случае чего командир рекомендовал – по обстоятельствам. Последнее определение, столь же расплывчатое, сколь и емкое, живо напомнило последние слова из напутствия Екатерины Второй Алексею Орлову, которому было поручено любой ценой привезти из Италии княжну Тараканову: «А будут задерживать, граф, – пали...».

Но Нестеренко был далеко не столь всемогущ и ограничился советом быть крайне осторожным и осмотрительным.

Спрятанный за задним сиденьем командирского «газика», он был вывезен из заблокированной зоны. Попав в столицу, поначалу просто опьянел – от удивительного весеннего воздуха, от пестроты улиц, от того трудно передаваемого и все же

знаменитым режиссером в авлабарских сценах прославленной комедии переданного аромата этого города.

На ремонтном заводе его уже ждал водитель грузовика с прицепленной к нему сзади платформой, на которой и был укреплен искомый тягач. Это был чудный грузин, подобно герою популярной кинокомедии на все отвечавший лаконичным «канешно». Все проверил и закрепил? Канешно. Думаешь, доедем засветло? Канешно. А посты пообедем? Канешно.

Выезжать должны были вечером, чтобы проскользнуть в оцепленный район незамеченными. Надышавшись городом вволю, он присел перекусить в просторной и нарядной таверне, где две компании за соседними столами, не конфликтуя, а ласково – от стола к столу – улыбаясь, замечательно слаженно распевали мелодичные песни.

Неожиданно в дверях появилась Ирина Сергеевна и подседа к нему, удивленная встречей до крайности. Оказалось, она с начала учений живет здесь в служебной гостинице, куда изредка приезжает отдохнуть душой и телом после ратных подвигов ее супруг, и обедает она обычно здесь же.

Он попросил удвоить заказ, но официант принес не только блюда. Через пять минут на столе выросла гигантская батарея винных бутылок, стволов в двадцать, чье происхождение прояснялось обращенными к ним нежными взорами и гостеприимными улыбками всех сидевших вокруг посетителей. Он понимал, что все эти взоры были адресованы только ей, ему же его армейская форма гарантировала лишь вежливость и уважительную сдержанность.

Эти люди были ему весьма симпатичны, даже на первый взгляд. Поблагодарив двумя кивками обе компании, он открыл одну из бутылок. Выпить, однако, не пришлось. Когда он точно так же приподнял бокал, приветствуя угощавших, от одного из столов донеслось предложение выпить за усатого вождя. Подумав, он поставил бокал на стол, не пригубив, и от обоих столов к ним немедленно подседали разгоряченные парламентарии с ребром поставленным вопросом «пачиму?».

Он проникновенно объяснил, что просто не может поддержать тост за человека, по вине которого погибли его родственники, не ограничивая таким образом общности и посчитав взятый на душу грех не особенно тяжким: в его семье таковых все же не было. Парламентарии, подумав, согласились с аргументацией, после чего он компромиссно предложил выпить за прекрасных женщин. Этот тост был поддержан с одним уточнением: выпили за всех прекрасных женщин вообще и, в частности, за полномочную их представительницу за этим столом.

Все это порядочно задержало их, и в гостиницу к ней они пришли поздно. В постели она вдруг начала оправдываться за то, что было тут у нее с собственным мужем: супружеский долг, не больше, и это его смутило, а потом разрыдалась, что повергло его уже в полное смятение: она относилась ко всему куда серьезнее, чем он, не знавший теперь, как из этого затянувшегося романа выбраться.

И все, что она говорила, было – не то, все казалось фальшивым, притом, что он хорошо понимал: она в этом совершенно неповинна и, напротив, по-своему естественна, а его раздражение – только от сравнения, для нее заведомо безнадёжного. От этого хотелось поскорее уйти. И он ушел, тем более, что давно было пора. Ушел, раздражаемый смесью раздражения и нежности, угрызений

совести и каких-то непонятных предчувствий, почти оттолкнув ее у самого порога, когда она с плачем охватила его руками – нехорошо все это сложилось, некрасиво, совсем не так, как надо.

В конце она стала уговаривать его не возвращаться в горы. Ты с ума сошел. Попадешь под суд. Что Нестеренко? Он тебе письменно приказал? Остаешься... Да что ты, как я могу.

Назад, в горы, ехали неправдоподобно долго. Уже стемнело, и вокруг не было ни огонька, только за лобовым стеклом неслась на них выхватываемая из черноты светом фар колея, из тьмы впереди появлявшаяся и пропадавшая под колесами. Неожиданно они увидели справа от дороги освещенную палатку, три силуэта у нее. Затем стал виден и шлагбаум. Блок-пост.

Шлагбаум был открыт, и это было самое главное. Он велел водителю подъезжать, но – помедленнее, а потом – рвануть, сам же открыл дверцу кабины и встал, держась за нее, на подножке машины, как бы собираясь соскочить на землю. Все получилось, как он и предполагал. Сидевший ближе всех к шлагбауму, видя готовность предъявить документы, поленился идти закрывать его и лишь медленно поднялся, разминая ноги и ожидая полной остановки машины. Но за несколько метров до шлагбаума он кивнул все понявшему водителю и запрыгнул в кабину резко рванувшегося вперед грузовика. Блок-пост был пройден. В боковом зеркале он увидел три фигуры, растерянно торчащие на фоне светящейся палатки далеко позади. Конечно, они не успели заметить номер машины. И ведь он не ломал шлагбаум – получалось, что они пропустили его... Получалось также, что он поступил, мягко говоря, не совсем красиво по отношению к этим трем служивым, возложив, таким образом, и на них часть ответственности за свои действия. Но... на войне – как на войне, да он ведь и сам рисковал; не думай об этом, забудь.

Навстречу потянулась колонна из нескольких грузовиков, укрытых брезентом. Брезентовый полог сзади у них был распахнут, и сонные лица умаявшихся за день солдат были задраны к усыпанному звездами небу.

Потом начался крутой и длинный подъем, который грузовик с тяжелым грузом за плечами преодолевал с жалобным ревом. Неожиданно ему стало полегче, но тут водитель резко остановил машину. Товарищ лейтенант, посмотрите там, сзади, что-то мы легко поехали...

Он спрыгнул из кабины в темноту и обошел грузовик. Идти пришлось недалеко: от громоздкого сооружения оставалась одна их кабина. Сразу за ней, над задними колесами – рама, к которой прикреплялся трак – огромная платформа с укрепленным на ней тягачом. Но этой платформы с тягачом не было. Он посмотрел вниз, под гору, и ему показалось, что там вдали еще мигают огоньки прошедших мимо него машин. Представил себе, как эта многотонная махина с нарастающей скоростью догоняет колонну и бесшумно возникает перед сонными глазами сидящих в кузове ребят, а потом... Охватив руками голову, он сел на траву и поднялся, услышав растерянный голос водителя. Что делать, товарищ лейтенант?

Ответить он не успел. Со стороны развилки дороги подъехал «газик», и из него выбралась знакомая грузная фигура. Полковник Сырцов подошел к нему и устало выдохнул:

– Я за тобой, засранцем, пять часов гоняюсь и не догнал, а ты уже успел... Пойдешь под суд. Сиди пока в машине и жди.

Газик укатил вниз, под гору, в темноту. Он опять сел на траву и опустил голову на сложенные на коленях руки. Водитель сидел в кабине.

Периодически он задирает голову к небу, словно пытаясь за равнодушно мерцавшими звездами разглядеть нечто другое, куда адресовалась его мольба. Ну вот, клюнул петушок, и куда девался твой, с молоком матери, атеизм? Господи, только бы люди там не погибли, а уж железо это – будь оно проклято, и суд – ладно, хотя тех, на блок-посту, тоже ведь тогда – под суд... А те, другие – он сидел вместе с ними в кузове и вместе с ними видел эту вынырнувшую вдруг из тьмы и неумолимо несущуюся на них машину. При этом он изо всех сил пытался остановить ее перед крепко зажмуренными глазами, остановить... Так прошло часов пять-шесть.

Машина Сырцова снова подъехала уже на рассвете. Полковник приоткрыл дверцу. «Садись, лейтенант, поедем. Посмотришь». Лицо его странным образом было спокойно. Они покатали вниз по склону. Платформа с тягачом даже не перевернулась. Прوماхнув ночью в метре от грузовиков с солдатами, она, пропахав волоочащимся по земле лишенным колес задним своим концом глубокую борозду, проехала вниз несколько километров до ближайшего подъема и замерла в точности у обочины дороги, не мешая движению по ней, словно ее тут специально остановили.

– Да, лейтенант, ты в рубашке родился, – протянул полковник, внимательно и с любопытством разглядывая его. Ты кончай свои приключения, понял? Считаю, что это тебе – первый звонок, а остальных лучше не жди.

Пока подъехавшие ремонтники закрепляли трак на раме подъехавшего грузовика, Сырцов молчал. Молчал и он, ошалело глядя по сторонам и все еще не веря своему счастью. Потом Сырцов подвез его в расположение части, где поговорил с глазу на глаз с командиром. Потом позвали его, и Нестеренко, покрутив сначала ему пальцем у виска, пожал руку, поблагодарил за тягач и отправил спать. Выйдя, он оглянулся. Сырцов, уже захлопывавший дверцу машины, снова приоткрыл ее:

– Так ты меня понял? Уймись, лейтенант. Не порть жизнь себе и другим.

И только засыпая, он вдруг сообразил: о его поездке знали лишь трое – майор Нестеренко, он сам и Ирина Сергеевна, которой он все рассказал в гостинице. До конца службы оставалось еще полгода, но с ней он уже никогда больше не увиделся.

2004